

Е.А. Долгова

Философия в Институте Красной Профессуры (1921–1938 гг.): институциональное оформление, методика преподавания, слушатели, профессура*

Долгова Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: dolgova-evg@rambler.ru

В статье реконструируется история Философского отделения Института Красной Профессуры – ИКП философии и естествознания (1921–1938). Обращаясь к широкому пласту делопроизводственной документации Государственного архива Российской Федерации и Архива Российской Академии наук, автор исследует его финансовое/инфраструктурное обеспечение, информационное сопровождение, характеризует состав слушателей и преподавателей. В статье делается вывод о том, что изучение истории отраслевой институции иллюстрирует практический опыт функционирования одного из необычайных «революционных» проектов по обновлению научно-педагогической сферы и позволяет скорректировать многие историографические суждения – о политически и социально однородном составе ИКП, особенностях информационного и инфраструктурного сопровождения его работы, привилегиях и социальном статусе «красных профессоров».

Ключевые слова: Институт Красной Профессуры философии, Философское отделение ИКП, чрезвычайный проект, преподаватели, слушатели, методика преподавания

Институт Красной Профессуры (ИКП, Институт) – одна из самых интересных образовательных инноваций 1920–1930-х гг. История этого необычайного «революционного» проекта по обновлению научно-педагогической сферы не является новым сюжетом в историографии – в том или ином ракурсе к ней обращались разные исследователи, работающие в проблемном поле изучения отечественного образования и науки в ретроспективе [Козлова, 1994, Берендт, 2002, Никуленкова, 2014]. Вместе с тем отдельные вопросы прежде не становились предметом специального анализа. Среди них – история отраслевых Институты Красной Профессуры (исключение здесь составляет лишь ИКП Истории), функционирование которых рассматривалось комплексно, без выявления специфики бытования и функционирования отдельных институций.

Вследствие поставленной перед Институтом задачи особое внимание в нем уделялось преподаванию общественно-экономических дисциплин, в частности философии. Ее приоритетное значение определило специфику бытования дисциплины в ИКП и внимание власти к обеспечению ее институционального функционирования. Философское отделение было открыто в Институте Красной Профессуры еще в 1921 г. После его разделения на отраслевые учреждения оно было реорганизовано в

* Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 16-31-01079, а 2.

Институт Красной Профессуры философии и естествознания в Москве. В последние годы существования ИКП (1936) был поставлен вопрос о слиянии ИКП философии с ИКП литературы. Эта длинная, 17-летняя, дистанция отражает разные этапы бытования философии в истории ИКП, в различной степени же освещенные документально.

Источниками по истории Философского отделения и ИКП философии и естествознания стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Архиве Российской академии наук (Архив РАН). В ГАРФ документы были выявлены в фондах ИКП философии (ф. Р-5205), Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного совета СССР (ф. Р-7668), ЦИК СССР (ф. Р-3316). В Архиве РАН оказались важны фонды ИКП естествознания (ф. 364) и Института философии Коммунистической академии (ф. 355) ЦИК СССР, собственно Коммунистической академии (ф. 350), первого ректора ИКП М.Н. Покровского (1759) и второго – П.Ф. Юдина (ф. 1636), преподавателей ИКП философии М.Б. Митина (ф. 1992) и М.Д. Каммари (ф. 1529). Если характеризовать тип источников – это прежде всего материалы делопроизводства и статистика: отчеты, списки руководящего, профессорско-преподавательского состава и слушателей, протоколы, учебные планы и программы дисциплин и др. Комплекс делопроизводства достаточен для того, чтобы документально восстановить историю одного из отраслевых Институты Красной Профессуры, последовательно ответив на вопросы о его финансовом/инфраструктурном обеспечении, образовательном сопровождении и главных участниках образовательного процесса – слушателях и преподавателях.

Финансовое и инфраструктурное обеспечение работы Института Красной Профессуры философии

Философское отделение было открыто одним из первых, наряду с Экономическим и Историческим, и существовало в составе единого Института Красной Профессуры до 1930 г. За эти годы Институт пережил период исключительного внимания власти к его работе (нашедшего отражение в ряде льгот и привилегий, предоставленных преподавателям и слушателям ИКП, в инфраструктурном обеспечении его работы) и несколько лет неустойчивого финансового положения в системе Наркомпроса (1924–1927 гг. отмечены сохранившейся перепиской Главнауки и Наркомпроса по вопросу о том, какое ведомство и из какого бюджета должно финансировать «приоритетный», но дорогой государственный проект – ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 116. Д. 2900; Оп. 96. Д. 2745), в 1927 г. же ИКП стал учреждением союзного значения и вошел в узкий перечень учреждений ведения ЦИК СССР. Руководство, преподаватели и слушатели Философского отделения ИКП в полной мере оказались причастны перипетиям истории учебно-образовательного учреждения новой формации.

По воспоминаниям первого ректора ИКП М.Н. Покровского, первым пристанищем Института Красной Профессуры стало здание бывшего Страстного монастыря на Пушкинской площади. На тот момент в ИКП состояло 80 человек [Покровский, 1932, с. 61]. Однако этот камерный период продлился недолго – Институт расширялся. После переезда Наркомпроса в 1921 г. на Чистопрудный бульвар ИКП отдала освободившееся помещение – это было здание б. Катковского лицея по адресу: Остоженка, 53 [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 233. Л. 13, 40]. Именно в этом здании какое-то время проходили учебные занятия слушателей всех трех направлений. К учебному году 1927/1928 г. Институту Красной Профессуры был отведен еще ряд зданий – среди них находилось по адресу: Кропоткинская (б. Пречистенка), 10 [ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 180. Л. 19]. Это был бывший дом коммерсанта, коллекционера Морица Филиппа, разграбленный в ходе немецкого погрома 1915 г. и покинутый хозяином. В культурологическом смысле здание было интересно: так, у сына коммерсанта Вальтера работал гувернером Пастернак, написав-

ший в этом доме знаменитое стихотворение «Не поправить дня усилиями светилен...»; с 1916 г., после отъезда поэта на Урал, гувернером мальчика стал только что окончивший университет философ А.Ф. Лосев. Именно это помещение было отведено под учебные занятия ИКП философии при его выделении в отраслевой институт в 1930 г.

Однако если с помещениями для обучения «икапистов-философов» все было относительно благополучно, то с точки зрения бытовой инфраструктуры перед слушателями всех отделений остро стоял т. н. «жилищный вопрос». Конечно, принцип мобилизации на обучение в ИКП иногородних слушателей предполагал обеспечение их жилплощадью. Однако, учитывая тот факт, что слушатели ИКП были возрастными (так, самому старшему слушателю Философского отделения В.М. Познеру на момент его выпуска в 1926 г. было 49 лет – ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138. Л. 13), нередко требовалось предоставление жилплощади не только им, но и членам их семей. Сначала икаписты жили в учебном корпусе на Остоженке, 53 и нескольких близлежащих флигелях. Условия были стесненными, а в койко-местах нуждались многие, в том числе известные впоследствии философы. Так, финансово-экономический отчет по обследованию ИКП за 1928 г. фиксировал проживание в общежитии на Остоженке, 53 «не прописанного» слушателя М.Б. Митина, семьи Н.А. Карева [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43. Д. 1430. Л. 126, 126 об]. В составе пяти человек на 30 кв. м. в доме № 8 на Смоленском бульваре ютилась семья Я.Э. Стэна [там же. Л. 129 об]. Делили одну комнату на двоих в доме № 16 по Большой Дмитровке одинокие слушатели П.Ф. Юдин и Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари и Д.С. Епанечников [там же. Л. 130 об]. Теснота, разнородность состава проживающих мешала учебной работе ИКП. По отчету ревизора, «если не обращать внимания на находящуюся у парадного подъезда вывеску, указывающую, что здесь размещается Институт Красной Профессуры, можно предположить, что здесь или детский дом, или гостиница для приезжающих, но, во всяком случае, не вуз. Первое, что бросается в глаза при входе в институт, – это детвора с няньками, в тамбуре входной двери и в раздевальне – детские коляски, на площадке первого этажа и в коридорах – хождение тех же нянек с детьми, беседы группами домашних работниц, массовое движение и шум» [там же. Л. 107 об].

Места для слушателей и членов их семей настолько не хватало, что под угрозу оказался поставлен расширенный прием в ИКП в 1930 г. Ситуацию несколько исправила постройка комплекса зданий коммунального типа на Большой Пироговской ул. Однако в условиях остроты жилищного вопроса в Москве в один момент вновь построенное общежитие заполнилось случайными поселенцами – в том числе сотрудниками Коммунистической академии, редакции журнала «Под знаменем марксизма» и пр. В 1935 г. последовала волна выселений лиц, «утративших или никогда не имевших связи с ИКП», однако она закончилась обращением выселенных коммунистических работников в суд, газету «Правда» и письмами в адрес Сталина. Следствием стала тщательная финансовая проверка общежития ИКП, выявившая факт нецелевого использования зданий и «производство ремонтов на сторону». Суммируя, можно отметить, что жилищный вопрос так и не был решен на протяжении всего периода работы Института: это была одна из основных проблем, препятствующая его работе и набору слушателей [Долгова, 2017].

Кадровый состав Института красной профессуры философии

Второй проблемой, стоявшей перед ИКП на всем протяжении его истории, была проблема кадровая – однако в этом отношении Философское отделение ИКП и ИКП философии и естествознания имело свою специфику. Остановимся подробнее на вопросе: кто и как преподавал философию в Институте Красной Профессуры?

Профессорско-преподавательский состав ИКП с момента открытия был разнороден – так, например, у истоков Философского отделения ИКП стояли бывшие меньшевики: философы А.М. Деборин и Л.И. Аксельрод [Козлова, 1994, с. 97]. Именно они вместе с представителем от слушателей, будущим «красным профессором» Н.А. Каревым, утвердили на заседании предметной комиссии по историческому материализму ИКП 20 июня 1922 г. первый учебный план Философского отделения ИКП [ГАРФ. Р-5205. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Кроме них в 1920-е гг. в ИКП преподавали как преподаватели-коммунисты, так и беспартийные – В.Ф. Асмус, Ш. Варьяш, Б.М. Гессен, М.Л. Левин, И.К. Луппол, И.П. Подволоцкий, Л. Рудаш, И.Д. Сапир, Я.Э. Стэн и др. Многие из указанных имен входили в круг сторонников первого руководителя и основателя Философского отделения А.М. Деборина и составили известную в истории философии т. н. «Деборинскую школу». В 1930-е гг. в числе преподавателей ИКП были И.К. Луппол, Б.Ю. Сливкер, П.Ф. Юдин, А.М. Деборин, Е.П. Ситковский, из числа беспартийных профессоров – Б.А. Фохт и В.Ф. Асмус [ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401. Л. 38-39].

Важно подчеркнуть то, что ИКП философии стал, возможно, единственным отраслевым учреждением ИКП, для которого проблема преподавательских кадров оказалась решена за счет собственных выпускников: списки профессорско-преподавательского состава на май 1937 г. фиксируют, что 9 из 10 преподавателей окончили его [там же]. Как писал П.Ф. Юдин, «мы пять лет, четыре года назад подходили так: наиболее способных, окончивших людей, ставим преподавателями, заранее зная, что первый год может быть не выйдет, трудно будет, со скрипом пойдет. Второй год лучше пойдет. И если он способный, талантливый человек, то на третий год останется, а на четвертый-пятый год он уже будет серьезным профессором» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 171. Л. 11]. Кроме преданности alma-mater анализ списков профессорско-преподавательского состава позволил нам отметить и то, что все преподаватели были совместителями. К примеру, М.Б. Митин одновременно работал директором НИИ Академии наук, редактором журнала «Под знаменем марксизма», И.К. Луппол – главным редактором Госполитиздата, директором Института литературы им. Горького, директором пушкинской выставки, М.Д. Каммари – научным сотрудником Института Маркса-Энгельса-Ленина, редактором журнала «Марксистско-ленинская литература» и т. д.

Хотя система преподавания на Философском отделении – в ИКП философии и естествознания генетически демонстрировала преемственность за счет рекрутирования на работу своих выпускников, это не мешало ей быть конфликтной и конкурентной внутри собственного научного поля. С особенно острыми проблемами ИКП философии столкнулся в 1930–1932 гг. в связи с т. н. дискуссией против меньшевистствующего идеализма («антидеборинская кампания») и разгромом т. н. «шабалкинской группы». В ходе этих событий был отстранен от должности первый директор ИКП философии А.М. Деборин, а преподаватели Н.А. Карев, Я.Э. Стэн, И.П. Подволоцкий, Х.И. Гарбер, Я.М. Урановский были объявлены «троцкистскими шпионами-террористами» и впоследствии арестованы [см. подробнее: Корсаков, 2012]. Перемена в расстановке сил привела к росту влияния тех преподавателей, которые начали работать еще в 1931–1932 гг., – П.Ф. Юдина, М.Б. Митина, Е.П. Ситковского, Ф.В. Константинова, М.Д. Каммари, Б.Ю. Сливкера и др. Хронологически это совпало с выделением ИКП философии и естествознания как отраслевого института.

Именно период с 1930 г. отмечен перестройкой образовательного процесса в ИКП и обилием в архивных фондах горячей делопроизводственной документации, обосновывающей наступившие перемены. В докладных записках П.Ф. Юдина, сменившего А.М. Деборина на посту директора ИКП философии, а М.Н. Покровского – в должности ректора ИКП, обосновывалась необходимость перестройки образовательных программ и учебных планов, изменения принципов аттестации и квалификации слушателей, организации их самостоятельной научно-исследовательской работы.

Образовательный процесс в ИКП и так, с самого начала его работы, сопровождался постоянными преобразованиями едва сложившихся учебных планов и программ. Однако в отношении философии ситуация была принципиально сложнее. С самого начала в Институте вошли в столкновение два принципа изложения материала – тематический и хронологический. Последний из них был близок идеям руководителя Философского отделения А.М. Деборина, актуализирующего историко-философское обоснование метода материалистической диалектики и заинтересованного в выявлении диалектических идей у философов Нового времени и немецких классических философов [Корсаков, 2017, с. 14], и реализовывался в первый период работы ИКП. По мнению противников этого подхода, он был перегружен историческими деталями, излишними для поставленной перед слушателями ИКП задачи – получить «систематическое представление о диалектическом материализме» и вооружиться «марксистским методом для дальнейшего изучения специальных предметов» [ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 134. Л. 42]. С 1930-х гг. хронологический подход оказался замещен программой тематической. Обосновывая это изменение, П.Ф. Юдин писал: «Философское отделение старого ИКП, по сути дела, не имело никакой марксистски продуманной программы по подготовке квалифицированных кадров. Эта программа состояла из того, что год работали по сути над Кантом, второй и третий год – над Гегелем и почти не удавалось – а если и удавалось работать над темами по материалистической диалектике, – то опять-таки работая над Гегелем» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-2].

Второе изменение, привнесенное в 1930-е гг., касалось принципа построения учебных занятий. На Философском отделении ИКП основной акцент делался на самостоятельной работе слушателей. Их роль в образовательном процессе была настолько велика, что порой слушатели даже определяли наполнение учебной программы, участвуя в заседаниях предметной комиссии – например, настаивали на введении и выбирали состав дополнительных предметов (так в 1923 г. в учебный план были включены лекционные курсы по теоретическому естествознанию, психофизиологии и общей биологии, математике и истории культуры – ГАРФ. Р-5205. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; указанные курсы были сняты из учебного плана в 1925 г. – там же. Л. 8). Сам принцип обучения предполагал самостоятельный, *индивидуальный* научный поиск – обязательно было участие каждого слушателя в одном из научно-исследовательских семинаров, по итогам которого он должен был защитить подготовленный научный доклад. Анализ учебных планов показал, что на философском отделении в 1924–1925 гг. действовали 8 дробных, тематических семинариев: «История философии» (его вел выпускник В.А. Юринец), «Теоретическая экономия» (С.В. Членов), «Семинарий по Канту» (А.М. Деборин), «Семинарий по истмату» (А.М. Деборин), «Семинарий по Гегелю» (А.М. Деборин), «Семинарий по истмату» (А.М. Деборин), «Семинарий по социологии» (Л. Рудаш), «Факультативный семинарий по истории новейшей философии» (Ш. Варьяш) [ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 135. Л. 5].

После 1930 г. акцент в учебном процессе оказался смещен на лекционный курс. Формально причиной стали трудности с организацией самостоятельной работы слушателей при семинарском характере построения учебного процесса. Так, в докладной записке П.Ф. Юдина отмечалось: «Раньше в институте тех времен, когда я поступил в Институт в 1927 г. ...каждый занимался тем, чем он хотел заниматься, с него никто не спрашивал... Целый год он [слушатель] говорит, что собирается писать доклад. Второй год говорит, что подготовил весь материал к докладу. Третий год говорит, что он в основном приступил к работе» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 171. Л. 11]. По мнению П.Ф. Юдина, именно эта система беспорядочной самостоятельной работы слушателей должна была быть заменена четко продуманной системой аттестации и итоговой квалификации выпускников. Взамен в 1930-е гг. была предложена система лекций, совмещенная со специфическим педагогическим методом – коллективной работой учебных бригад [ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 135. Л. 22]. В отличие от

1920-х гг., в учебных планах 1930-х гг. мы видим не дробные семинарии, а объемные, классические курсы, курсы-блоки – в их числе «История античной и средневековой философии» (на I курсе), «История классической буржуазной философии» (на I и II курсах), «Буржуазная философия второй половины XIX в. и современная философия», «История философии в СССР» (на III курсе) «Диалектический материализм» (на II курсе) и «Исторический материализм» (на III курсе) [ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1918. Л. 5]. Указанные курсы были укоренены в основной образовательной программе – наряду с ними слушателям читались лекции по всеобщей истории, истории СССР, истории науки [там же].

Введение бригадного метода означало отказ от установки на самостоятельный исследовательский поиск слушателей. Учебные бригады должны были соревноваться между собой по критериям овладения максимальным количеством литературы, необходимой для подготовки доклада (в том числе иностранной); по линии качества работы (актуализации прорабатываемых тем, пригодности их для опубликования в печати – в частности, в издании «Под знаменем марксизма») [ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 135. Л. 65]. Руководил работой бригады слушатель со старшего курса – ему это засчитывалось в педагогическую практику, кроме того, как правило, его тема соотносилась с темой, разрабатываемой бригадой, и он мог использовать полученные научные результаты для написания своей итоговой квалификационной работы [Архив РАН. Ф. 364. Оп. 4. Д. 21. Л. 14.]. На 1932 г. в документах зафиксирована работа бригад под названием «Социалистические формы труда», «Эволюция Маркса и Энгельса», антирелигиозной секции ИКП философии, «Критика основных течений фашистской философии» [Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 82. Л. 7]. Последняя бригада в составе пяти слушателей даже уехала на полевое исследование в Германию, получив по итогам обучения в ИКП право на заграничную командировку [ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 135. Л. 67]. Подобная форма организации учебной работы действовала в ИКП философии вплоть до его ликвидации в 1938 г.

Наконец, третий аспект организации образовательного процесса в ИКП философии касался информационного обеспечения научно-исследовательской работы слушателей, а именно учебной и научной литературы, которую они читали для поступления в ИКП и в ходе подготовки к лекционным и семинарским занятиям.

Если утвержденный в 1922 г. учебный план Института Красной Профессуры ограничивался требованием от поступающих знания «философских работ Энгельса, Плеханова, Деборина, Аксельрод или какого-нибудь “Введения в философию”, например Ерузалема или Вундта» [ГАРФ. Р-5205. Оп. 1. Д. 1. Л. 1], то в 1926 г. на заседании предметной комиссии Подготовительного отделения ИКП уже рассматривалась просьба сократить список литературы «ввиду того, что проработать всю указанную в программе литературу поступающие не могут» [там же. Л. 12-14]. В ответ на это обращение из списка рекомендованной литературы были исключены работы Х. Гёфдингга, Ф. Ланге «История материализма», В. Вундта «Введение в философию», Л. Аксельрод «Философские очерки», А.М. Деборина «Людвиг Фейербах»; но добавлены работы В.И. Ленина «Государство и революция», «Детская болезнь левизны», статьи А.М. Деборина, одна из работ материалистов (П.-А. Гольбаха, Ж.О. Ламетри, Т. Гоббса, Л. Фейербаха на выбор поступающего), работы Т. Гомперца. В 1927 г. в список литературы были включены работы И.В. Сталина «Вопросы ленинизма», В.И. Ленина «Государство и революция», А.М. Деборина «Ленин как мыслитель». Насколько легче стало поступающим вследствие этого решения – неясно, однако информационное наполнение списка рекомендованной литературы очевидно.

Однако вступительный «порог» марксистской литературы был преодолим – в дальнейшем обучение становилось интереснее. Как это ни странно, анализ учебных программ и списков рекомендованной к изучению литературы обнаруживает некоторую преэминентность по отношению к дореволюционной традиции изучения философии. В 1928 г. к прочтению слушателям, обучающимся на Философском отделении,

наряду с работами марксистских авторов, рекомендовались и дореволюционные, и буржуазные издания: для изучения теории познания Р. Декарта – работы В. Виндельбанда «История новой философии» и А.И. Введенского «Декарт и окказионализм», «Декарт и рационализм»; изучения философии И. Канта – труды Е.Н. Трубецкого «Метафизические предположения сознания», Г.И. Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности», Г.Г. Шпета «Критика причинности у Юма и Канта»; при подготовке к семинарскому занятию по методологии марксизма – труды Г. Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий», А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» и Л. Аксельрод «Очерки буржуазного обществоведения» и т. д. [там же. Л. 35-36]. Ситуация не вполне изменилась и в 1930-е гг. – учебные программы включали книги В. Виндельбанда, Л.П. Карсавина, К. Фишера, А.И. Введенского, В.С. Соловьева, Г.Г. Шпета и др. (хотя, безусловно, по сравнению с 1920-ми гг. увеличилось и число авторов-марксистов) [ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1402. Л. 2-8].

Причины этой преимущества, на наш взгляд, кроются прежде всего в фактическом отсутствии необходимого числа марксистских работ по указанным темам семинарских и лекционных занятий, а также – в недостаточной разработанности учебных планов и программ ИКП; обеспечивалась же она инфраструктурно – оснащённостью библиотеки ИКП богатым фондом не только дореволюционной литературы, но и эмигрантских и даже оппозиционных изданий. Библиотека ИКП включала в себя не только книги библиотеки Народного Комиссариата просвещения, объединившей фонды нескольких дореволюционных учреждений – Николаевского лицея, Московского педагогического собрания, а также часть библиотек Государственной думы и газеты «Речь». С 1923 г. она получала обязательный экземпляр – поступала и эмигрантская литература [Библиотека web].

Однако, говоря об инфраструктуре, финансировании, организации учебного процесса, преподавательском составе ИКП, мы забыли главный критерий результативности любого учебного заведения – тех, для кого оно существует. Кто же учился на Философском отделении – в ИКП философии и естествознании?

Слушатели Института Красной Профессуры философии

Всего за период с 1924 по 1937 гг. в ИКП стали квалифицированными философами 173 слушателя. За период работы Философского отделения состоялось 7 выпусков общим количеством 59 человек. Распределение слушателей, окончивших ИКП в 1924–1930 г., отражает табл. 1.

Таблица 1

Статистика выпуска из Института Красной Профессуры, 1924–1930 гг., в разрезе по отделениям: 1924–1930

год выпуска	общее количество выпускников ИКП	экономическое отделение	историческое отделение	философское отделение	естественное отделение	правовое отделение	литературное отделение
1924	51	29	12	10			
1925	53	24	12	17			
1926	39	15	14	10			

1927	27	7	10	2	1	3	
1928	29	12	4	3	8	2	
1929	42	15	11	7	7	2	
1930	–	37	35	10	10	4	3
Итого	259	139	98	59	26	11	3

Расчеты автора на основе: Список слушателей по отделениям, окончивших ИКП в 1924–1930 гг., ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

Табл. 1 показывает, что по количеству выпускников Философское отделение ИКП уступало Экономическому и Историческому. На наш взгляд, это было связано с квотированным распределением мест и объяснялось, с одной стороны, приоритетным вниманием власти в указанные годы в первую очередь к прикладным исследованиям по экономике, с другой стороны – субъективным фактором – профессиональной принадлежностью первого ректора ИКП М.Н. Покровского, историка по образованию. Табл. 1 также позволяет установить динамику работы Философского отделения ИКП – например, пик числа выпускников пришелся на 1925 г., в 1927–1929 гг., напротив, отмечался резкий спад, связанный с неопределенностью ведомственного положения ИКП, трудностями в обеспечении общежитием. Показатель выпуска возобновил свой рост в 1930 г. и совпал с разделением ИКП на отраслевые учреждения.

Кем же были первые выпускники Философского отделения Института Красной Профессуры? Списки слушателей по отделениям, окончивших ИКП в 1924–1930 гг., позволяют установить их имена в полном составе.

Таблица 2

Списки выпускников философского отделения ИКП: 1924–1930 гг.

Год выпуска	Фамилии выпускников
1924	И.М. Альтер, С.Л. Гоникман, Н.А. Карев, И.К. Луппол, О.М. Танхилевич, А.Я. Троицкий, Г.С. Тымянский, М.Л. Ширвиндт, В.А. Юринец, Г.Я. Яковин
1925	Л.С. Амирагов, А.А. Болотников, С.Ф. Васильев, П.С. Виноградская, А.Ф. Вишневский, Р.М. Выдра, Е.Ф. Гирчак, Д.И. Дидякин, В.Я. Кирпотин, С.П. Коршунов, Р.И. Кречетова, М.Е. Миронов, К.К. Милонов, П.Ф. Сапожников, Я.Э. Стэн, Ф.Е. Тележников, Г.М. Якобсон
1926	Н.Н. Бобровников, Г.Ф. Дмитриев, В.К. Жариков, П.Н. Ионов, М.М. Константинов-Михеев, А.Т. Лукачевский, Э.Ф. Лепин, В.М. Познер, А.К. Столяров, А.А. Шийк
1927	А.А. Бусыгин, Я.А. Фуртинев
1928	Э.Я. Левитин, И.П. Подволоцкий, Д. Нагиев
1929	И.М. Беспалов, Ф.А. Горохов, И.Т. Жиров, В.Е. Колоколкин, М.Б. Митин, В.Н. Ральцевич, Я.Н. Секерская
1930	У.Х. Ишан-Ходжаев, С.С. Пичугин, В.Д. Резник, А. [] ...ушно**, А.Д. [К] рацков, []Иван Михайлович, Х.И. Гарбер, И.И. Иванов-Омский, А.Х. Сараджев, В.И. Тимоско.

Составлено на основе: ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138.

Итак, как показывают табл. 1 и 2, в 1924 г. Институт Красной Профессуры окончили 52 слушателя из первого набора – среди них было 10 философов. Именно первый выпуск философов в ИКП стал самым ярким за всю его историю. Слушатели И.М. Альтер, С.Л. Гоникман, В.А. Юринец были распределены на кафедру исторического материализма в комвуз в Харькове, Н.А. Карев – в журнал «Под знаменем марксизма», И.К. Луппол – в Институт Маркса и Энгельса [ГАРФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 136. Л. 30-31]. Почти всех их ожидал яркий, порой трагически прерванный путь в науке. Успех слушателей первого выпуска объясним – почти все они при поступлении обладали высокой квалификацией, у них было незаконченное или даже законченное (как у Н.А. Карева) высшее образование. Позднее этот принцип квалификационного отбора слушателей при поступлении выдерживался не всегда и порой уступал критериям социального происхождения, необходимой длительности партийного стажа (на конец работы института он был доведен до 10 лет, для рабочих допускался 8-летний стаж), наличия опыта управленческо-организационной работы. С 1927 г., с момента получения ИКП статуса учреждения «союзного значения», у приемных комиссий также появился стимул зачисления «представителей многочисленных национальностей, населяющих окраины СССР» [ГАРФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 135. Л. 4].

С момента преобразования Философского отделения ИКП в Институт Красной Профессуры философии и естествознания состав слушателей расширился. В нашем распоряжении оказалась любопытная статистическая сводка, иллюстрирующая основные социально-демографические характеристики слушателей именно ИКП философии (без учета естественного отделения). По партстажу, социальному положению и образованию они распределялись следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

**Сводка слушателей ИКП философии по партстажу,
социальному положению и образованию: 1931 г.**

Партстаж	1 курс	1 курс, январский прием	2 курс	3 курс	Всего по трем кур- сам
До 1917	1	1		3	5
1917	4	4	1		9
1918	6	5	4	1	16
1919	6	9	2	3	20
1920	6	5	3		14
1921			5		5
1922	2				2
1923	1	1			2
1924	2	1	1		4
1925	1	2			3
1929				1	1
Итого	29	28	16	8	81
Социальное положение	1 курс	1 курс, январский прием	2 курс	3 курс	Всего по трем кур- сам

рабочих	16	19	10	3	48
крестьян	2	1	1	1	5
служащих	11	8	5	4	28
Итого	29	28	16	8	81
Образование	1 курс	1 курс, январский прием	2 курс	3 курс	Всего по трем курсам
низшее	1	4	1		6
среднее	10	5	10	6	31
высшее	18	19	5	2	44
Итого	29	28	16	8	81

Источник: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 524. Л. 4.

Данные, представленные в табл. 3, позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, обращает на себя внимание давность партстажа 64 из 81 слушателя – это была своего рода «победа» руководящего состава ИКП философии. Дело в том, что подходящих под этот формальный критерий кандидатур слушателей для поступления в ИКП было не так много. Так, в документах встречаются ответы местных парт-организаций на запросы о командировании кандидатов на обучение в ИКП с формулировкой «среди студентов-выпускников и аспирантов лиц с 8-летним партстажем нет, поэтому и выделить не можем» [ГАРФ. Ф. Р-Р-5146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43]. Во-вторых, в данных табл. 3 обращает на себя внимание невысокое количество рабочих и, напротив, значительное число «служащих» среди слушателей ИКП. На деле первых было еще меньше: в отличие от партстажа, этот критерий мог фальсифицироваться: так, указание на социальное «происхождение» часто подменяли «социальным положением». Наконец, интересен третий индикатор, отраженный в табл. 3, – образование слушателей. Лишь у 50 % из них оно было в объеме высшего, пусть даже под ним предполагался комвуз. Другая часть слушателей, претендующих по окончании ИКП на право преподавания в вузах, имела при поступлении лишь среднее и даже низшее образование. Именно этим качественным показателем приемным комиссиям в условиях расширенного приема зачастую приходилось жертвовать для обеспечения других отчетных цифр – партстажа и социального происхождения.

Последний индикатор позволяет поставить вопрос: многие ли из слушателей, обучавшихся в ИКП философии, успешно заканчивали его? В нашем распоряжении оказались косвенные цифры, однако характеризуют они не только критерий их ожидаемой академической успеваемости.

В докладной записке П.Ф. Юдина, характеризующей статистику выпуска из ИКП философии за 1931–1937 гг., отмечалось: «Если взять по выпускам, начиная с выпуска 1931 г. (прием 1928), то получится следующая картина: в 1931 г. выпущено 12 человек, из них впоследствии исключено из партии и арестовано – 3 человека; выпуск 1932 г. (прием 1929 г.) – 22 человека, из них впоследствии исключено из партии и арестовано 6 человек; выпуск 1933 г. (прием 1930 г.) выпущено 30 человек, из них впоследствии исключено из партии и арестовано 10 человек; выпуск 1934 г. (прием 1931 г.) – 21 человек, из них исключено из партии и арестовано 4 человека; выпуск 1935 (прием 1932 г.) – 7 человек, из них один человек исключен из партии; выпуск 1936 г. (прием 1933 г.) – 7 человек, все на работе; выпуск 1937 г. (прием 1934 г.) – 15 человек, все на работе (только одного недавно исключила из партии низовая парторганизация)» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 177. Л. 9]. Конечно,

П.Ф. Юдина как директора беспокоили как количественные показатели, так и особые критерии результативности ИКП философии. Однако при характеристике выпусков за 1931–1936 гг. писал он и о других обстоятельствах: «За 5 лет наш Институт окончили 94 человека. Окончило бы равным счетом в два раза больше, но мы сто человек отдали в Политотделы» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 171. Л. 4-5; ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43. Д. 692. Л. 11]. Трудовые мобилизации слушателей, их чрезвычайные переводы на партработу были частым явлением, нарушающим течение учебного процесса: так, одна из них, например, почти поставила под угрозу учебный выпуск 1933 г.

Однако что же происходило с теми, кто успешно дошел до выпуска? По мысли учредителей, кадры «красных профессоров» должны были обновить педагогический состав вузов и научных учреждений СССР в исследовательском поле общественно-экономических дисциплин. Удалось ли достичь этой цели? Последний вопрос, который мы поставили: *кем работали «красные профессора»?*

Прежде всего, мы не можем обойти вниманием главную причину невысокого процента трудоустройства на работу по специальности выпускников Философского отделения ИКП. Она заключалась в искусственно чинимых препятствиях, истоки которых коренились еще в разгроме «деборинской школы» на рубеже 1920–1930-х гг. По замечанию С.Н. Корсакова, «в 1937 г. сама принадлежность к “контрреволюционной троцкистской группе Стэна, Карева и других” служила достаточным основанием для репрессирования» [Корсаков, 2012, с. 125]. По подсчетам ученого, было репрессировано полтора десятка философов, входивших в так называемую «шабалкинскую группу» [см. качественно полный список – Корсаков, 2012]. Именно эти имена стояли за сухими цифрами цитируемого выше отчета П.Ф. Юдина.

Однако были и другие факторы. В докладной записке П.Ф. Юдина отмечалось: «По очень неточным сведениям, имеющимся в Институте, большинство окончивших Институт работают на педагогической работе» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 177. Л. 9]. Это было не вполне так. Хотя в списках выпускников ИКП очень часто указаны лишь города, в которые были распределены на работу выпускники, – Ленинград, Харьков, Свердловск, Саратов, Иркутск; но встречаются и места работы – например, журналы «Культура и революция», «Безбожник», издательства, а по большей части – различные административные и партийные учреждения [ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 138]. В документе 1936 г. отмечалось, что «значительный процент оканчивающих ИКП идет не по прямому назначению, а используется на всяких административного характера должностях» [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1].

Ситуация с трудоустройством «красных профессоров» осложнилась в 1934 г. в связи с постановлением о возврате к ученым степеням и званиям и особенно в 1936 г. – в связи с запретом занимать должности доцента и профессора без защиты диссертации. С этого момента правовое положение икапистов оказалось крайне неопределенным: по окончании ИКП они не получали ученой степени и поэтому не могли быть утверждены в качестве доцентов или профессоров. Хотя в 1935 г. части выпускников ИКП было присвоена степень кандидата наук «без защиты диссертации» [Козлова, 2001], ситуацию коренным образом это не изменило. В письме к П.Ф. Юдину выпускника ИКП философии П. Рубинчика от 13 ноября 1937 г. отмечалось: «Мне нет нужды объяснять вам, какие мучительные переживания я испытываю, когда на протяжении пяти месяцев, после окончания учебы хожу без всякого дела и предоставлен только самому себе. Я был в Минске, мне даже в адресном столе отказали в прописке на том основании, что у меня нет никакого направления. Я прошу вас дать мне хоть какую-то работу. <...>¹ Вы убедитесь, что на меня как на члена Партии государство недаром затратило столько средств и сил, чтобы обучать меня три года в ИКП» [Архив РАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 176. Л. 1]. На наш взгляд, это письмо яркое: оно иллюстрирует те проблемы, с которыми ИКП подошел к концу своей работы.

¹ Здесь и далее пропуски в тексте обусловлены повреждением источника.

Трудности, стоявшие к концу 1930-х гг. перед Институтом Красной Профессуры, были настолько очевидны, что возникла тенденция к реформированию институции. Так, в письме председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалась дороговизна ИКП («десять тысяч в год стоит один слушатель ИКП» [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 8]), выдвигались предложения об отмене обязательного партстажа для слушателей, изменении принципов рекрутирования их на обучение, обосновывалась обязательность диссертационных защит. В числе прочего предлагался и очередной реорганизационный проект – укрупнения Институтов Красной Профессуры, в частности обосновывалась возможность объединения ИКП философии с ИКП литературы. Во внимание при этом принималось совпадение значительного числа основных дисциплин (философия, литература, история литературы), близость научного профиля, малочисленность слушателей (в 1936 оба института насчитывали 111 человек), совместительский характер преподавания педагогических кадров [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1799. Л. 1-2]. Однако этот проект уже так и не был реализован.

Закончить можно замечательной цитатой из документа. В духе коммунистической риторики лейтенант Некрасов из Ленинграда писал: «Товарищ директор! Убедительно прошу дать мне исчерпывающее объяснение по следующему вопросу. Как, когда, на каких условиях и могу ли я поступить в Институт Красной Профессуры? Я командир Красной Армии, но я более своей специальности интересуюсь вопросами философии и давно решил пожизненно работать в этой области. <...> Я очень хочу обучаться в Вашем институте, но не знаю, как и насколько это возможно, поэтому еще раз убедительно прошу разъяснить, кто принимается в Институт Красной Профессуры, возможно ли без партийного стажа (ВЛКСМ), с каким общим и политическим образованием, по каким предметам бывают приемные испытания, какие есть факультеты и как принимаются военнослужащие вообще» [ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 2. Д. 192. Л. 29]. Евгений Иванович Некрасов не успел поступить в Институт Красной Профессуры философии: система отраслевых ИКП была ликвидирована 1 января 1938 г.

Таким образом, изучение истории отраслевого Института Красной Профессуры иллюстрирует практический опыт бытования философии в рамках одного из чрезвычайных «революционных» проектов по обновлению научно-педагогической сферы, отражает яркую и неоднозначную картину работы образовательного учреждения в 1920–1930-е гг. и позволяет скорректировать многие историографические суждения – о политически и социально однородном составе ИКП, особенностях информационного и инфраструктурного сопровождения его работы, привилегиях и социальном статусе «красных профессоров». Философия в ИКП была полемична, конкурентна, подвижна; она бытовала в разных институциональных формах, но неизменно оставалась одним из приоритетных направлений его работы.

Список литературы

Берендт, 2002 – *Берендт Л.-Д.* Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции (1921–1938) // За железным занавесом: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 166–197.

Библиотека web – Библиотека ИКП: судьба, сотрудники и вопросы преемственности: [текст ГПИБ]. URL: <https://gpib.livejournal.com/35218.html> (дата обращения: 22.04.2018).

Долгова, 2017 – *Долгова Е.А.* Квартирный вопрос для Красной Профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.

Козлова, 1994 – *Козлова Л.А.* Институт Красной Профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социол. журн. 1994. № 1. С. 96–112.

Козлова, 2001 – *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социол. журн. 2001. № 2. С. 145–158.

Корсаков, 2012 – Корсаков С.Н. Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е гг.) // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2012. № 1. С. 120–170.

Корсаков, 2017 – Корсаков С.Н. В.Ф. Асмус: коррективы к образу. М.: [Б. и.], 2017. 32 с.

Никуленкова, 2014 – Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.

Покровский, 1932 – Покровский М.Н. Речь на десятилетии Института Красной Профессуры // Памяти М.Н. Покровского. М.: Партиздат, 1932.

Philosophy at the Institute of Red Professors (1921–1938): Institutional Forms, Methods of Teaching, Students, Lecturers*

Evgeniya A. Dolgova

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: dolgova-evg@rambler.ru

The article explores the history of the Institute of the Red Professors in philosophy (1921–1938). Referring to the unpublished documents in the State Archives of the Russian Federation and the Archive of the Russian Academy of Sciences, the author explores its financial and infrastructure support, information sphere, characterizes students and teachers. The article illustrates the practical experience of the functioning of philosophy within the framework of one of the extraordinary “revolutionary” projects on the renewal of the scientific and pedagogical sphere, reflects a vivid and ambiguous picture of the work of the educational institution in the 1920s and 1930s and corrects some of historiographical judgments (about the politically and socially homogeneous composition of the Institute of Red Professors, the specifics of state support of its work, privileges and the social status of the “red professors”).

Keywords: Institute of the Red Professors in Philosophy, Philosophical Department, soviet education, teachers, students, teaching methods

References

Berendt L.-D. Institut Krasnoj Professury: “kuznitsa kadrov” sovetskoj partijnoj intelligentsii (1921–1938) [[Institute of the Red Professors: “Forge of Personnel” of the Soviet Party Intelligentsia (1921–1938)]. In: *Za zheleznyj zavesom: mify i realii sovetskoj nauki* [Behind the Iron Curtain: Myths and Realities of Soviet Science]. St.-Petersburg: Dmitri Bulanin Publ., 2002, pp. 166–197. (In Russian)

Biblioteka IKP: sud’ba, sotrudniki i voprosy preemstvennosti [Library of Institute of the Red Professors: Fate, Employees and Questions of Continuity]. URL: <https://gpiib.livejournal.com/35218.html>. (In Russian)

Dolgova E.A. Kvartirnyj vopros dlja Krasnoj Professury [Problems with Housing for the Red Professors], *Rodina*, 2017, no. 8, pp. 122–125. (In Russian)

Kozlova L.A. «Bez zashhity dissertacii...»: statusnaja organizacija obshhestvennyh nauk v SSSR, 1933–1935 gody [“Without Defense of the Dissertation...”: the Status Organization of Social Sciences in the USSR, 1933–1935], *Sociologicheskij zhurnal*, 2001, no. 2, pp. 145–158. (In Russian)

Kozlova L.A. Institut Krasnoj Professury (1921–1938): istoriograficheskij ocherk [Institute of the Red Professors (1921–1938): Historiographical Sketch], *Sociologicheskij zhurnal*, 1994, no. 1, pp. 96–112. (In Russian)

Korsakov S.N. Politicheskie repressii v Institute filosofii (1930–1940-e gody) [Political Repressions at the Institute of Philosophy (1930–1940s)], *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2012, no. 1, pp. 120–170. (In Russian)

Korsakov S.N. V.F. *Asmus: korrekтивы k obrazu* [V.F. Asmus: Adjustments to the Image], Moscow: [B.i.], 2017. 32 p. (In Russian)

* This article has been prepared for publication with the financial support from The Russian Foundation for Basic Research, grant № 16-31-01079, a 2.

Nikulenkova E.V. Istoricheskoe otdelenie Instituta krasnoj professury v 1920e gg. [Historical Department in the Institute of Red Professorship in 1920s.], *Novejshaya istoriya Rossii*, 2014, no. 1, pp. 108–123. (In Russian)

Pokrovskij M.N. Rech' na desyatiletii Instituta Krasnoj Professury [Speech on the Decade of the Institute of Red Professors], in: *Pamyati M.N. Pokrovskogo* [In Memory of M.N. Pokrovsky]. Moscow: Partizdat, 1932. (In Russian)